Считается, что архитектура — самая созидательная область человеческой деятельности, музыка камня. С Барнаулом связаны биографии самых разных архитекторов

текст ***Евгений Платунов***

ПУТАНИЦА С КНЯЗЕМ-АРХИТЕКТОРОМ

В сибирских публикациях автора проекта Петропавловского собора в Барнауле называют «Дмитрием Макуловым». Но у архитектора князя Макулова имя и отчество были Пётр Васильевич (1730-1780). В Википедии в статье о Петропавловском соборе можно увидеть немало ляпов. Например: «При постройке в барнаульский проект внесли изменения горный инженер И. Медер и подпоручик Я.Н. Попов». Яков Николаевич Попов родился в 1798 (1802) году. Поэтому при всем желании не мог внести изменений в период постройки собора в 1771-1774 годы.

Возвращаясь к князю-архитектору Макулову, можно отметить, что даже на сайте «Московский государственный объединенный художественный историко-архитектурный и природно-ландшафтный музей-заповедник» Департамент культуры Москвы дает князю третий вариант имени: «В 1773 г. на месте бывшего Летнего Анненгофа, по проекту архитектора Ринальди, началось возведение Екатерининского дворца (1-й Краснокурсантский проезд, д. 3). Руководить строительством дворца императрица поручила архитектору князю П.П. Макулову» (http://www.mgomz.ru/lefortovo/o-lefortove).

В местных сообщениях о строительстве барнаульского собора архитектора называют «Д.П. Макулов»: «В 1767 г. духовное правление Барнаульского завода обратилось в Кабинет с прошением «разрешить построить церковь на каменном фундаменте, кирпичную... ибо за слабостью здесь грунта и дряблостью леса деревянное строение весьма непрочно и не более двадцати лет простаивает». К этому времени Петропавловский собор простоял уже 19 лет. В ответ на прошение в декабре 1767 года из Петербурга был прислан проект каменного Петропавловского собора архитектора Д.П. Макулова, выполненный в стиле барокко. Поскольку в Кабинете проект был признан сделанным «с излишнею весьма огромностью и по смете превосходящим гораздо предписанные пределы», в Барнауле должны были его взять за образец и доработать. Разработка сметы и плана строительства собора были поручены горному инженеру И. Медеру и подпоручику П. Попову, с чем они успешно справились» (Старцев А.В., Тяпкин М.О., Тяпкина О.А. История Барнаула: учебное пособие для средней школы. Барнаул, 2000). В Томске и Кемерове пошли по барнаульским стопам, подставляя к фамилии Макулов инициалы «Д. П.» (Томский источник: http://www.tsuab.ru/upload/files/additional/2_2016_05_Gerasimov_file_6872_6025_4905. pdf). Кемеровский источник: cyberleninka.ru/article/n/opyt-graficheskoy-rekonstruktsii-pervogo-ikonostasa-barnaulskogo-kamennogo-petropavlovskogo-sobora).

Про то, что П.В. Макулов проектировал церковные постройки и перестройки можно найти десяток-другой источников столичного происхождения, а про церковное зодчество Д. Макулова все сводится к контексту Петропавловского собора (в публикациях в Барнауле, Томске и Кемерове). И все.

Кстати, журнал «Архитектурное наследство» писал в 1951 году о том, что князь был офицером в отставке: «К восстановлению дома в Лефортове московским генерал-губернатором Мамоновым был привлечен некий князь Пётр Макулов, рекомендованный им как сведущий в архитектуре специалист: «...отставной майор князь Макулов, который весьма знающ...» (см.: Р. Подольский «Петровский дворец на Яузе»).

«РОПЕТОВЩИНА» В БАРНАУЛЕ

В 2017 году издательство «Эксмо» выпустило подарочное издание «Архитектура России», в котором есть строчка про Барнаул: «...«Терем» в усадьбе «Абрамцево» в 1873 году построил Иван Павлович Ропет (его настоящая фамилия Петров, но творил он под псевдонимом-анаграммой собственного сочинения), которого многие специалисты считают не иначе как главным апологетом возрождения русского зодчества в конце XIX века. Через журнал «Мотивы русской архитектуры» он, как говорили его современники, проповедовал фольклорную линию. И находил самый широкий отклик, хотя были и те, кто употреблял саркастическое определение «ропетовщина».

К сожалению, большинство его произведений до нашего времени не дошло, так как построены они были из дерева. К счастью, уцелел каменный Народный дом в Барнауле, в котором ныне располагается филармония...»

ПЛЕННИК САЙДЫБА И ТУРОЧАКА

Из старого советского журнала «30 дней» (1932) можно узнать о строительстве дорог на Алтае в годы той войны, которую почему-то теперь считают забытой именно в советское время: «До империалистической войны дороги между селами Сайдыб и Турочак не было. В четырнадцатом году на Алтае появились военнопленные. С целью лишить пленных возможности бегства на родину их увозили подальше от границы, вглубь страны. В глухие таежные деревни ссылались австрийские солдаты. Зажиточные хозяева охотно пользовались дешевой рабочей силой. Пленные были самыми бесправными батраками. Многие из них работали на лесозаготовках. Они подвозили на низкорослых лошаденках, а часто подтаскивали и на собственных спинах лес к берегу, связывали душистые и толстые бревна в плоты и сплавляли их по реке. Утомительная работа, бездорожье, грубое обращение тяжело отражались на физическом и моральном состоянии пленных.

У кулака и скопидома Кутузова жил в батраках Франц Тайеман, узколицый блондин, похожий на восторженного немецкого студента, он скромно подчинялся всем распоряжениям ворчливого хозяина и выполнял самую трудную и грязную работу...

Измученный грубыми окриками Кутузова, Тайеман послал властям заявление, что он не в силах выносить подлый мужицкий режим и предпочитает жизнь с волками и медведями жизни со злыми людьми, и убежал в лес.

Он скрывался больше недели, питался душистой неспелой земляникой и совсем зеленой смородиной, не выдержал лесных скитаний, вышел на просеку к партии работавших земляков и сдался в плен вторично.

Ему стало еще хуже. Выбиваясь из последних сил, Тайеман с трудом волочил грузные бревна, а наблюдавший за пленными стражник кричал на него резче и злее, чем на остальных. Труднее всего было преодолевать бездорожье, и неугомонный Тайеман послал властям второе заявление, что он имеет звание дорожного инженера от Высшей технической школы. Власть приказала пленным австрийским саперам приступить к работам под руководством означенного

Когда-то филармонию в Барнауле называли «Домом школьного общества»

Музей в Каунасе построен по проекту Владимира Дубенецкого

Тайемана. Дорога между селами Сайдыб и Турочак была проложена.

...В девятнадцатом году пленных отправили на родину.

Защитник отечества очутился без работы, без хлеба, без крова. Господин Тайеман не имел родных и в одиночестве бился о жесткие двери негостеприимных учреждений как рыба об лед. Он уже не мечтал о работе по специальности. И Тайеман вспомнил Бию, прибрежные камни, бешено несущиеся плоты, нежные березы, вспомнил рассказ знакомого монтера, участника рабочей делегации, посетившей Советскую Россию, осмелел от голода и нужды, присоединился к демонстрации безработных, шедшей по Ластенштрассе, вместе со всеми демонстрантами дружно кричал перед ратушей антиправительственные лозунги и послал новой русской власти письмо с предложением своих услуг.

«...Только в вашей стране ясен смысл труда. Прошу дать мне возможность работать в Советском Союзе. Просторы вашей страны нуждаются в техническом освоении. Я проложил дорогу между селами Сайдыб и Турочак. Работа была не вполне закончена. Разрешите докончить дорогу...»

Дорожный инженер Тайеман получил желаемое разрешение.

— Родина там, где можно делать настоящий дело, — сказал он в Москве любознательному журналисту.

КОГДА КАУНАС БЫЛ СТОЛИЦЕЙ

Бывшее здание исторического и художественного музеев в Каунасе, в котором сейчас находится военный музей имени Витовта

Архитектор барнаульского кинотеатра «Родина» ленинградец Григорий Френк с женой. *Из публикации Ирины Роскиной, г. Иерусалим / chayka.org*

Великого, было спроектировано и построено в 1931-1936 годах уроженцем Барнаула Владимиром Дубенецким (Vladimiras Dubeneckis). Он родился 25 августа/6 сентября 1888 года. По другим сведениям, место рождения — Змеиногорск. Дубенецкий был не только архитектором, но и сценографом. Считается сейчас, что он из литовской православной семьи, сын врача. Окончил Петербургское реальное училище Видемана. В 1906 году поступил на архитектурное отделение Императорской Академии художеств, с 1911 года учился у Леонтия Бенуа. Вместе с другими учениками Бенуа Дубенецкий входил в студенческий кружок «Duodecim» (Duodecim (лат.) — двенадцать), выступавший за возрождение классических традиций в архитектуре. В 1914 году Дубенецкий получил звание архитектора-художника и заграничное пенсионерство за проект здания Государственного Совета. Но война помешала поездке за границу. Он преподавал до 1918 года в Академии художеств. Потом выехал в Литву с женой — художницей Ольгой Дубенецкой. В 1918-1919 годах в Вильно Дубенецкий входил в Коллегию изобразительных искусств Комиссариата просвещения при Временном революционном правительстве Литвы. Позже это не повлияло на его доступ к государственной службе или заказам. В 1921-1932 годах Дубенецкий преподавал в Каунасской художественной школе, выполнил в Каунасе ряд построек в неоклассическом стиле: здания Художественной школы (1922), гостиницы «Литва» (1923–1925), медицинского факультета университета (1931–1933), Исторического музея имени Витовта и Художественного музея Чюрлениса (1931-1936). Дубенецкий совместно с архитектором Сонгайло перестроил здание Музыкального театра (1923). Оформлял драматические, оперные и балетные постановки для Литовского государственного театра в Каунасе: «Скиргайла» Винцаса Креве (1924), «Сказки Гофмана» Жака Оффенбаха (1925), «Ромео и Джульетта» Шарля Гуно (1925), «Лоэнгрин» Рихарда Вагнера (1926), «Тартюф» Мольера (1926), Богема Джакомо Пуччини (1927), «Сильвия» Лео Делиба (1928), «Кумиры и люди» Пятраса Вайчюнаса (1928), «Трубадур» Джузеппе Верди (1929), «Жар-птица» Игоря Стравинского (1929). За несколько лет Дубенецким было сделано 12 постановок. Эскизы декораций и костюмов Дубенецкого экспонировались на выставках в Литве. Но разлад в личной жизни, страсть к алкоголю привели к тяжелому заболеванию. Его жена, основоположница литовского национального балета, хореограф, сценограф, живописец и педагог Ольга Дубенецкене-Калпокене оставила его в конце 1920 годов. Для лечения был направлен в клинику в Кенигсберг, где скоропостижно скончался 10 августа 1932 года. Дубенецкий похоронен в Каунасе на Петрашунском кладбище.

СОАВТОР ШПЕЕРА

Рудольф Волтерс (1903-1983) — немецкий архитектор, основной разработчик шпееровского плана перестройки Берлина, представитель нацистской архитектуры. В 1932-1933 годах Волтерс работал в Советском Союзе, в Новосибирске.

Творчество Дубенецкого исследуют искусствоведы Литвы. Новая монография вышла в 2018 году

Волтерсом был спроектирован поселок железнодорожников на станции Инской и комплекс зданий Института военных инженеров транспорта (который, кстати, окончили некоторые наши земляки, ставшие генералами КГБ). Возвратившись в Берлин в 1933 году, Волтерс написал книгу «Специалист в Сибири» («Spezialist in Sibirien», Berlin: Wendt & Matthes Verlag, 1933). Книгу издали на русском языке в 2010 году.

Архитектор уезжал из веймарской Германии, а вернулся — в гитлеровскую. Поэтому в своей книге он, разумеется, вполне антисоветски представил Сибирь, в том числе и Алтай. Даже туалеты на станциях нашей линии железной дороги, как утверждал Волтерс, проектировали с его участием централизованно в Новосибирске. Примечательны и представления герра Волтерса о самих линиях железных дорог на Алтае. Немец так и не понял, что из Барнаула тоже можно было после 1930 года (окончания строительства Турксиба) попасть по железной дороге в Среднюю Азию. В недопонимании немца можно, наверное, увидеть и бдительность «органов».

Судите сами о противоречиях «клюквы» от соратника Шпеера, гитлеровского архитектора и министра, будущего подсудимого Нюрнбергского трибунала 1946 года. «В Новосибирске около 200 000 жителей, хотя, возможно, на сто тысяч больше или меньше. Никто не знает этого точно. Город на сегодня — значительнейший транспортный узел Сибири. Транссибирская железная дорога здесь пересекает Обь. На юг ответвляются Турксиб — новая железная дорога на Туркестан и небольшая линия на Алтай. Две линии, из которых одна уже готова, ведут в Кузбасс, самый большой угольный район Советского Союза. Все правительственные и промышленные управления сибирского края сосредоточены в Новосибирске. <...>

На следующий день после полудня мы выступили в обратный путь. Я познакомился на пароходе с профессором Томского университета, который собирался ехать через Новосибирск на Бийск, чтобы вблизи города Улала на Алтае организовать новый курортный комплекс. Он был убежденным членом партии и гордо носил высокий орден на груди, орден, приносивший

В 2016 году в Германии вышла книга о Волтерсе «В тени Шпеера»

ему месячную ренту в 40 рублей. Профессор показал мне генеральный план курорта, который он, медик, сам спроектировал. Курорт был задуман грандиозно, как и все, что проектируют русские, с банями, лечебными корпусами, парками, бассейнами, подиумом для музыкальной капеллы и со всем прочим, что положено.

— Да, — подмигнул он мне, — еще пара годочков, и мы и здесь обгоним Европу. На Алтае есть все мыслимые минеральные источники. Не хватает только пары железнодорожных линий.

Я знал, как обстоит дело с железнодорожными линиями на Алтае и вообще в СССР, и промолчал.

<...> Первой целью нашего путешествия был Ташкент в Узбекистане, куда от Новосибирска, благодаря новой линии «Турксиб», можно было добраться за четыре дня. Когда мы в 11 часов вечера тронулись, было очень холодно. Следующим ранним утром мы пересекли под Барнаулом Обь и видели, что лед на ней уже взломан и движется. Дальше путь шел через необитаемые степи и пустыни, оживлявшиеся только маленькими поселками у железнодорожных разъездов. Рядом с каждой станцией, несколько в стороне, стояла деревянная уборная с большой односкатной крышей, одно из лучших архитектурных достижений нашего железнодорожного проектного бюро в Новосибирске. Сотни раз видел я в глухой пустыне этот самодовольный вырост, естественный продукт социалистической культуры и планового хозяйства».

Самый, наверное, известный сейчас фильм о Шпеере — это художественный, с участием голландца Рутгера Хауэра в главной роли. Фильм появился в 1981 году, в год смерти Шпеера. Но Волтерса в фильме нет — Шпеер до самой смерти судился со своим старым другом, который единственный поддерживал семью Шпеера во время его 20-летнего заключения, выносил его записи во время свиданий. Шперу не понравилось, что Волтерс скрупулезно сохранил и передал в архив в Кобленце свидетельства об участии Шпеера в так называемом плане «окончательного решения еврейского вопроса».

«РОДИНУ» ПРОЕКТИРОВАЛ ЛЕНИНГРАДЕЦ

Путают у нас и архитекторов XX века. Это можно видеть на таком примере: автора проекта кинотеатра «Родина» повсеместно называли и называют московским архитектором. Хотя он всегда работал в Ленинграде и умер в ленинградскую блокаду: «Френк Григорий Харитонович (1893-1942 гг.). Родился в г. Киеве. Там же окончил гимназию, а в 1921 г. поступил на архитектурный факультет Академии художеств, которую окончил в 1926 г. Работал в Роскинопроекте, в проектном бюро Горздрава. В 1933 г. в проектном отделе Всесоюзного института экспериментальной медицины (ВИЭМ), участвовал в разработке нового комплекса ВИЭМа в районе больницы им. Мечникова. Здесь строились научно-исследовательские, лабораторные и жилые здания, а также ряд вспомогательных сооружений, объединенных в единый ансамбль. До 1941 года участвовал в различных творческих конкурсах, часто получал премии. В войну занимался маскировкой разных объектов, быстро слабел. Умер в январе 1942-го от недоедания» («Зодчие Ленинграда — жертвы войны и блокады: очерки об архитекторах города, 1920-1930-х гг.», Нестор, 2000. С. 96).

КТО ОБЪЕДИНЯЕТ ПРОМЗОНУ БАРНАУЛА И БУДАПЕШТ?

Если на территории барнаульского меланжевого комбината еще остались старые, самые первые по времени, постройки, то о них можно рассказывать потенциальным туристам из Венгрии: «Совсем юным приехал в Москву Имре Переньи. Здесь он окончил институт, а после учебы проектировал многие жилые и заводские здания и комплексы, в том числе текстильный комбинат в Барнауле. После 1945-го он вернулся в Венгрию, где вел большую научную работу, стал ректором Будапештского технического университета, почетным доктором многих европейских университетов и Московского инженерно-

«Жилая среда» — одна из книг Имре Переньи. Издана в Венгрии в 1984 году

строительного института» (Интернациональное сотрудничество КПСС и ВСРП: история и современность. — Изд-во полит. лит-ры, 1987).

К 1960 году Имре Переньи (1913–2002) стал главным архитектором в Будапеште. «...Тем, кто не был тогда в Будапеште, даже трудно представить себе сейчас развалины 1945 года, — говорит главный архитектор венгерской столицы доктор Имре Переньи. — Советские солдаты сразу помогли нам навести первые мосты через Дунай, очистить город от мин» (из репортажа в журнале «Огонек», 1960).

УМЕР В ЗАКЛЮЧЕНИИ

Архитектор и художник Иван Суханов тоже учился у Бенуа. Иван Петрович родился в 1881 году в Симбирской губернии, окончил в 1910 году Рижский политехнический институт со званием «инженер-архитектор». В 1914 году поступил в Петербургскую Академию художеств на архитектурное отделение в мастерскую профессора Леонтия Бенуа. Как писал потом в автобиографиях уже в советский период, «с 1914 по 1916 перестроил здание ресторана «Медведь» в Ленинграде». Сейчас в этом же здании на Большой Конюшенной улице, где находился «Медведь», располагается Театр эстрады имени Аркадия Райкина.

С 1916 года Суханов работал в проектных организациях Москвы. Преподавал историю искусства, участвовал в художественных выставках с 1921 года. В декабре 1934 года был арестован, сидел в Бутырской тюрьме. Осужден 27 февраля 1935 года по обвинению в контрреволюционной агитации на пять лет исправительно-трудовых лагерей. Срок отбывал в Сиблаге, Темиртау (1935 — середина 1936), в проектном бюро Дмитлага на строительстве канала Москва — Волга, затем до конца срока в Ухтпечлаге (поселок Чибью, Коми АССР). Иван Петрович был освобожден «по зачетам» 8 ноября 1938 года. Но 4 июля 1942 года был арестован вторично, 2 сентября того же года осужден, а 25 сентября его не стало. Биография заканчивается такими строками: «Умер в ИТЛ города Барнаула/Умер в тюрьме № 6 г. Барнаула». Был реабилитирован по двум делам в 1957 и 1958 годах. Пребывание в Барнауле было совсем недолгим. Но на прошедшей в Москве в 2008 году персональной выставке были представлены его многочисленные рисунки зеков и автопортрет.

И ЦЕЛИННИК, И ПУШКИН

В создании памятников целиннику в Барнауле и Пушкину в Астане участвовал в качестве архитектора Николай Адамович Ковальчук. Родился Николай Адамович в 1920 году в Курске. В июле 1941 года, будучи студентом 4-го курса Московского архитектурного института, добровольцем ушел на фронт. Участвовал в боевых действиях под Москвой, на Курской дуге, в Корсунь-Шевченковской и Ясско-Кишиневской операциях, освобождении Румынии, Венгрии, Австрии и Чехословакии. Войну закончил в Праге гвардии старшиной 27-й отдельной гвардейской танковой бригады. По окончании войны вернулся в институт, учился в аспирантуре, работал в мастерской «Гипролеспрома», участвовал в проектировании ряда общественных и жилых зданий. После защиты кандидатской диссертации в 1952 году был направлен в Академию архитектуры СССР. Около 30 лет заведовал кафедрой «Основы композиции» в МГХПУ имени С. Г. Строганова. Заслуженный архитектор России (1973), профессор (1974), лауреат премии Москвы (1999), лауреат ряда всесоюзных конкурсов на проектирование сооружений и монументов для города Москвы. В списке творческих работ Н. А. Ковальчука более двухсот проектов, из них около половины реализованы. Его работы установлены в Москве, Калуге, Твери, Омске, Кемерове, Кокчетаве, Абакане, Барнауле, Уссурийске, Маутхаузене (Австрия) и других городах. Среди последних работ — памятники адмиралу Фёдору Ушакову в Москве, Питириму Сорокину в Сыктывкаре, Александру Сергеевичу Пушкину в Астане (Казахстан). Николай Ковальчук — автор ряда книг и статей о русском народном деревянном зодчестве, один из авторов коллективного труда «Очерки теории архитектурной композиции» (1960). Награжден орденами Отечественной войны II степени, Красной Звезды, медалями «За боевые заслуги», «За оборону Москвы», другими наградами.

Иван Суханов. Автопортрет